И.О. Капустина, аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: irinakapustina1@yandex.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО С ЖУРНАЛОМ В. В. КАШПИРЕВА «ЗАРЯ»

В статье рассматривается история взаимоотношений Ф.М. Достоевского с учено-литературным и политическим журналом В.В. Кашпирева «Заря». Достоевский возлагал на новый славянофильский журнал большие надежды и в 1870 впервые опубликовал в нем свое произведение «Вечный муж».

Ключевые слова: *Достоевский, Кашпирев, «Заря», «Вечный муж», славянофилы.*

This article examines the history of Dostoevsky relations with scientific-literary and political Kashpirev's magazine «Zarya». Dostoevsky anchored his high hopes on new slavophile magazine and published there in 1870 his story «The Eternal Husband».

Key words: *Dostoevsky, Kashpirev, «Zarya», «The Eternal Husband», slavophiles.*

Введение

60-х гг. XIX в. — важное и непростое время в истории России: рушились устои крепостничества, на смену ему шел капитализм. Кризис проявлялся во всех областях общественной жизни. В это время продолжают развиваться общественно-политические и литературные ежемесячные журналы, рассчитанные на мыслящих читателей.

В январе 1869 г. в Санкт-Петербурге выходит первый номер учено-политического и литературного журнала «Заря». Издатель В.В. Кашпирев был помещиком и заложил свое имение ради журнала — ему непременно хотелось подарить России настоящий русский ежемесячник, которого, по его мнению, до тех пор не было[1]. Ф.М. Достоевский, на тот момент, не имевший собственного издания, с радостью воспринял выход в свет журнала такого направления. «Для меня "Заря" — явление отрадное и необходимое», — пишет Достоевский Страхову[2]. В нем зарождается надежда, что «Заря» сможет стать преемницей «Времени» и «Эпохи». После ознакомления с первыми двумя номерами журнала Достоевский отмечает, что в журнале есть мысль, и именно «та самая, которая теперь

[1] *Плеханов С.Н.* Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 240.
[2] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1988–1996. Т. 15. С. 400–401.

необходима, которая неминуема... Когда же именно это растолкуете окончательно, тогда все пойдут за вами»[3]. «Заря» получает высокую оценку писателя. Достоевский уверен, что у журнала есть будущее: «...прием его великолепен, он обнажает мысль, не закрывается, отвергает средину, начинает с верхушки»[4].

Достоевский особенно хвалит журнал за критику. По его мнению, «Заря» — это единственное издание в России, которое обладает правильным критическим направлением. В этом, безусловно, огромная заслуга Страхова. «Число подписчиков через 2–3 года покажет и влияние ее в публике», — пишет Достоевский[5]. Достоевский отмечает, что с таким направлением, как у «Зари», журналу есть на что надеяться. «Будущность несомненно его возвысит, и даже близкая. Будущность принадлежит этому направлению, а нигилисты исчезнут яко прах. Дело, стало быть, в исполнении задачи», — уверен писатель[6].

Содержание журнала «Заря»

Журнал «Заря» издавался ежемесячно в Санкт-Петербурге с января 1869 г. до марта 1872 г. Всего вышло 38 номеров. Подписная цена на год составляла: в Санкт-Петербурге — 15 руб. 50 копеек (с доставкой), а для остальных подписчиков на территории России с учетом стоимости пересылки — 16 руб. 50 коп. В журнале публиковали романы, рассказы, стихотворения, театральные заметки, рецензии, критику, текущую хронику, исторические и этнографические материалы, а также переводные романы зарубежных авторов. В число сотрудников издания входили более 30 писателей и публицистов. В «Заре» печатались В.И. Ламанский, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.П. Погодин, В. Щебальский, А.Д. Градовский, Н.Н. Страхов, В. Богишич, Д.И. Иловайский, Ф.М. Достоевский, А.Ф. Писемский, В.В. Крестовский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А. Фет, Б.Н. Алмазов, Д.В. Аверкиев, Н.Д. Ахшарумов, В.Г. Авсеенко, Н. Боев, А.Ф. Гильфердинг, В.П. Клюшников, А. Кобякова, В.И. Кельсиев, К.Н. Леонтьев, О.Ф. Миллер, А.Н. Попов, А.И. Руновский, М.И. Семевский, Л.Н. Толстой, И.П. Хрущёв, А.Н. Чаев и другие.

С первого номера выпуска «Зари» журнал в виде серии статей поместил на своих страницах знаменитое произведение Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (№ 1–6, 8–10), ставшее впослед-

[3] Там же. С. 400–401.
[4] Там же.
[5] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 402.
[6] Там же.

ствии одним из выдающихся произведений русской политической мысли девятнадцатого века. Книга, позже выпущенная отдельным изданием, стала наиболее значительным сочинением славянофилов[7].

Н.Я. Данилевский завершил работу над «Россией и Европой» еще в начале 1868 г. Однако при опубликовании произведения он столкнулся с большими трудностями. Как позднее вспоминал Страхов, который находился с автором в дружеских отношениях, было ясно, что Данилевского в журналах ждет отказ в публикации: «...Ни один из тогдашних журналов не согласился бы принять сочинения, писанного в таком духе, как "Россия и Европа"»[8]. Данилевскому помог счастливый случай, а именно то, что в свет начал выходить журнал «Заря». «Как раз в это время ревностный любитель литературы В.В. Кашпирев решил издавать новый ежемесячный журнал "Зарю" и звал меня в сотрудники. Николай Яковлевич очень радовался этому случаю; с первой же книжки "Зари" 1869 года стали появляться в ней последовательные главы "России и Европы", и в течение года вся книга была напечатана в журнале», — впоследствии рассказывал Страхов об истории публикации знаменитого произведения Данилевского[9].

Достоевский был впечатлен работой Данилевского и в письме к своей племяннице, С.А. Ивановой, от 8 (20) марта 1869 г. сообщал: «Данилевского статья "Европа и Россия"... это редкая вещь. Этот Данилевский был прежде социалист и фурьерист, замечательнейший человек и тогда еще, когда попался, двадцать лет тому назад, по нашему делу[10]; был удален и вот теперь воротился вполне русским и национальным человеком. До сих пор он ничего не писал. (Его статью я Вам особенно рекомендую.)»[11].

Еще одним сотрудником журнала, чьей судьбой и творчеством давно интересовался Достоевский, был В. Кельсиев, которого даже называли прототипом Шатова из «Бесов». «Кельсиев стал "невозвращенцем" в 1859 году. В Лондоне он сблизился с Герценом и Огарёвым, выпустил в эмиграции "Сборник правительственных сведений о раскольниках"» [Волгин, 2000, с. 138]. Но в 1867 г. Кельсиев приезжает на Скулянскую таможню и сдается властям. Император Александр II прощает его. «Об Кельсиеве с умилением прочел, — писал Достоевский А.Н. Майкову 9 октября 1867 г. из

---

[7] *Плеханов С.Н.* Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986. С. 232–233.

[8] *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом / Сост. А.В. Белова, отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 16.

[9] *Страхов Н.Н.* Предисловие. «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского» // Данилевский Н.Л. Россия и Европа. 6-е изд. СПб.: Глаголъ С-Петербургского университета. 1995. С. 27–28.

[10] Дело Петрашевского.

[11] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 416.

Женевы. — Вот дорога, вот истина, вот дело! ... Но теперь про Кельсиева говорить будут, что он на всех донес. Ей-богу, помяните мое слово» [там же].

В 3-м номере (1869 г.) «Зари» вышло произведение В. Кельсиева «Из рассказов об эмигрантах», которое представляет собой воспоминания автора о его жизни в Лондоне. В них Кельсиев делится с читателями историями двух эмигрантов, с которыми ему довелось столкнуться в Лондоне. Первый — совсем молоденький («лет не то девятнадцать, не то двадцать») воспитанник Константиновского военного училища Буровин. Как и многие его товарищи, юноша любил философствовать, многое отрицал и попался на политическом письме. Кельсиев, впрочем, с иронией отмечает, что письмо «не могло не быть пустяковым», но молодой Буровин придавал ему самое большое значение и решил срочно бежать. Кельсиев помог юноше устроиться и отвел его в редакцию «Колокола» Герцена. Но монотонная, скучная работа пришлась юноше не по душе: все у него валилось из рук и, наконец, он решил вернуться в Россию, поселиться среди раскольников и просветить их по части социалистических истин. Кельсиев пытался отговорить юношу от опасного предприятия, но тот был непреклонен. В итоге, история Буровина закончилась трагически: юноша погиб.

Другая история, на которой останавливается Кельсиев — знакомство с крепостным Артемьевым, являющимся приказчиком «какого-то села на Волге», успешным торговцем и очень начитанным человеком. На самом пике успеха Артемьева вдруг «попутал черт»: ему стала отвратительна зависимость от помещика, и он решил выкупиться. Но денег ему не хватало, Артемьев упорствовал и закончил банкротством. Эта история подорвала его веру в Россию, и он уехал в Лондон, чтобы там «пристать к пропагандистам» и освободить свою страну от «невежества и гнета».

Н.П. Огарёв был чрезвычайно заинтересован в нем, как в человеке, хорошо знакомом с условиями крепостного права и предложил напечатать его статьи в «Колоколе» и «Полярной звезде». Однако это не удалось по причине малого знакомства Артемьева с философскими и политическими вопросами. История Артемьева закончилась также печально, как и история первого героя: вернувшись в Москву, он умер на каторге.

В рассказе Кельсиев подробно описывает, в чем заключалась его работа. В Лондоне он целыми днями просиживал «за летописями, юридическими актами, сказаниями и изучал русскую историю по источникам». В них автор искал «разгадку раскола и краеугольные камни, на которых можно было бы сделать переворот в России».

Кроме этого, Кельсиев упоминает, что ездил в Москву для знакомства со старообрядцами и приобщения их к своему делу. Но политических деятелей из них не вышло, в Лондон автор вернулся с рухнувшими надеждами. Также Кельсиев пообщался с так называемыми «двоеверами» (секта полухристиан-полуязычников), их образ жизни и дикие обычаи он описал в рассказе «Святорусские двоеверы» (опубликован в «Заре» 1869 г. в №10).

Глубокое знание о жизни раскольников (людей, чьи «взгляды расходятся с православной церковью») дало возможность Кельсиеву выступить с критической статьей о раскольниках на страницах «Зари» (№ 6, 1869 г.).

Внимательно читая каждый выпуск журнала, Достоевский все его содержимое пропускал «через себя». Некоторые публикации «Зари» даже повлияли на будущее творчество писателя <...> Известно, что Достоевский возвращался в своих произведениях и публицистике к мечте о новом, будущем «золотом веке». «Золотой век еще весь впереди», — писал он в «Дневнике писателя», где доказывал, что будущий «золотой век» уже создается в настоящем, и он потенциально заложен в современных людях и их представлении о счастье [Фридлендер, 1964, с. 37].

«О зачем не все в счастье? Картина золотого века. Она уже носится в умах и в сердцах. Как ей не настать!..»[12] Эти слова вложены в черновиках к «Преступлению и наказанию» в уста Раскольникова. «А признание Раскольникова в совершенном преступлении мотивируется здесь стремлением героя романа снова получить право “желать счастья людям и мечтать о золотом веке” — право, которого он лишился, став “подлым убийцей”» [там же].

«Отказавшись от развертывания картины “золотого века” в “Преступлении и наказании”, Достоевский перенес ее в позднейшие произведения — “Исповедь Ставрогина”, “Подросток”, “Сон смешного человека”. Знаменательно, что внешним толчком, побудившим Достоевского вернуться к старому замыслу 60-х годов и вложить в уста Ставрогина описание “золотого века”, было, по-видимому, появление в момент работы Достоевского над “Бесами” в славянофильском журнале “Заря” (1870, № 1) резкой статьи Д. Анфовского (псевдоним, под которым скрывался бывший сотрудник “Времени” поэт и переводчик Ф.Н. Берг) “Скорое наступление золотого века”» [там же].

После выхода книги В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» Берг издевался в своей статье «(обратив-

[12] Из архива Ф.М. Достоевского. «Преступление и наказание». Неизданные материалы. Подготовил к печати И.И. Гливенко. ГИХЛ. М.; Л., 1931. С. 89.

шей на себя внимание Достоевского и несколько раз упоминаемой в черновых материалах к “Бесам”) над мечтой Флеровского и других, родственных ему мечтателей-социалистов о будущем “золотом веке”. Это вызвало у Достоевского желание изложить и защитить — в противовес Бергу — свой поэтический идеал “золотого века”» [там же].

Главный герой рассказа «Сон смешного человека» видит сон, в котором он попадает на другую планету. Ее обитатели не ведают несчастий и зла. «Столкнувшись со “смешным человеком” они навсегда теряют свою радостную и беспечную жизнь, хотя с другой стороны, сам “незваный гость” теперь всегда будет стремиться к идеалу»[13].

Фридлендер в своей работе «Реализм Достоевского» отмечает, что основная мысль «Сна смешного человека» напрямую связана «с убеждением Достоевского о “перерождении человеческого общества в совершеннейшее” как о конечной, определяющей исторической задаче его эпохи»[14].

В отличие от революционеров-современников, Достоевский утверждал, что человек должен измениться «не от внешних причин», а «не иначе как от перемены нравственной». «Золотой век», по мнению Достоевского, «не был одним лишь нравственным (или религиозным) идеалом. Свою утопию счастливого будущего человечества Достоевский <...> связывал не только с осуществлением определенных религиозных и нравственных, но и социально-экономических предпосылок. Важнейшей из них ...он считал наделение русского крестьянства землей»[15].

Одной из важных для Достоевского публикаций «Зари» стала статья «А.И. Герцен» М.П. Погодина. Она вышла в свет в 1870 г. в № 2 журнала и описывала непростые отношения Герцена и Погодина. Автор горько сожалел о том, что Герцен так и не успел вступить на славянофильский путь и отречься от западничества. Впоследствии Достоевский назвал эту статью «прекраснейшей и любопытнейшей»[16].

В первой же строчке статьи «А.И. Герцен» Погодин признается, что считал Герцена своим литературным врагом, который щедро осыпал насмешками автора и его единомышленников. И, тем не менее, Погодин верил, что он искренне любит Отечество и радеет о его благополучии. До самой смерти Герцена Погодин продолжает

---

[13] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. С. 137.

[14] Там же

[15] Там же. С. 137

[16] Там же. С. 8

надеяться, что его «литературный враг» признает свои заблуждения и вернется в Россию. Погодин видел в Герцене человека, который со своим опытом жизни за границей, должен был «представить на ладони всю эту Европейскую махину с ее устройством и махинацией», чтобы наши западники в ужасе отреклись от своих идей. «А несчастной молодой России скажите: учитесь, трудитесь, и выкиньте из головы вашей чужую, наносную дурь, со всеми ее мерзкими продуктами», — советует Погодин.

В «Отрывке из дорожных записок 1865 года» (также опубликованных в 1870 г. в № 2 «Зари») Погодин описывает свою первую за двадцать лет встречу с Герценом, которая произошла в Монтрё, на западе Швейцарии. Герцен чрезвычайно обрадовался старому знакомому и поблагодарил, что Погодин подошел к нему. В тот период Герцен подвергался сильным гонениям со стороны прессы.

Погодина возмущало, что Герцен не признавал хороших вещей, происходивших на Родине. Так, он приводил в пример отмену крепостного права и «самоотверженность» дворян (которые переносят «свою нужду терпеливо и спокойно»), укрепление войск, обновление духовенства, раздачу свободных голосов в Думах, в печати и земских собраниях. Автор признавал, что в России, безусловно, есть проблемы, но «где же их нет?».

Отметим, что Достоевский был солидарен с Погодиным и разделял его позицию. Так, он писал критику Н.Н. Страхову 23 апреля (5 мая) 1871 г.: «Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот же (славянофильский) путь и невозможность из-за скверных свойств личности»[17].

В соответствии с традициями почвенничества «Заря» негативно относилась к насаждению западных взглядов в российском обществе. В частности, это коснулось актуального в то время в Европе женского вопроса. В № 2 (1870 г.) «Зари» Страхов публикует критический разбор сочинения Джона Стюарта Милля «Подчиненность женщины» (в другом переводе «О подчинении женщины»).

Критик определяет весь смысл книги Милля в следующих словах: «Никто в настоящее время не имеет права утверждать даже, что есть какая-нибудь разница между обоими полами, рассматриваемыми как разумные и нравственные существа». Милль утверждает, что все нравственные правила, которым учат девушек, сводятся к тому, что долг женщины — жить для других (мужа и детей). «Любовь, которую женщина питает к мужу и детям, ему кажется искусственною, нарочно развито сверх меры — как будто есть мера любви» — восклицает Страхов. Критик уверен, что подобные

[17] Там же. С. 486.

умозаключения не подходят для русского человека. «Нужно быть англичанином...очень любить власть и иметь в груди очень холодное сердце, для того чтобы рассуждать подобным образом, — заключает Страхов.

Милль считает, что, задавив женское сердце, мужчины задавили и женский ум. Именно поэтому мы не встретим женщин среди великих ученых, мыслителей и художников.

Как следствие всего обозначенного, женщины стали уступать мужчинам и в юридических правах. Так, Милль приходит к мысли о необходимости равных прав для обоих полов. В необходимости уравнения прав Страхов согласен с автором, но считает лишним и ненужным предыдущее рассуждение о женской природе. Страхов считает несправедливым то, что Милль пытается «подтянуть» женские способности к мужским (в науке или творчестве), для того чтобы доказать их равенство в правах. По мнению критика, в правах должны быть равны все, вне зависимости от их талантов и умственных способностей. В своей книге Милль выступает лишь против несправедливости английских законов, считает Страхов.

Будучи славянофилом, критик уверен, что женский вопрос никак не составляет потребностей русской жизни: его завезли с Запада и начинают обсуждать у нас навязанную проблему; поступая таким образом, западники считают, что привозят прогресс в необразованную Россию, а на самом деле вносят смуту.

В своей критической статье Страхов делает весьма спорное заявление о том, что английские женщины представляют собой тип очень высокий женской красоты и душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши русские женщины, несмотря на их «лучшее юридическое положение». С этим категорически не соглашается Достоевский, внимательно читавший статью Страхова. Известно, что писатель высоко ценил нравственные качества русской женщины. В заметке «Один из облагодетельствованных современной женщиной» (Дневник писателя, 1876) он отвечает Страхову, что русская женщина не уступает англичанкам и представительницам других национальностей ни по нравственным, ни по физическим качествам. В подтверждение своей мысли он приводит примеры воплощения женского идеала в художественной литературе: Татьяна Ларина Пушкина, образы женщин у Льва Толстого, Тургенева...

Образы представительниц прекрасного пола в произведениях литературы, уверен автор, достоверны и правдивы: «если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинены же из ничего. Стало быть, такие женщины есть и в действительности. Не стану тоже говорить, например, о декабристках, о тысяче других примеров, ставших из-

вестными. И нам ли, знающим русскую действительность, не знать о тысячах женщин, не ведать о тысячах незримых, никому не видимых подвигах их, и иногда в какой обстановке, в каких темных, ужасных углах и трущобах, среди каких пороков и ужасов!»[18]

Достоевский уверен, что писать так о соотечественницах может лишь человек холостой и не узнавший положительных качеств русских женщин. И действительно, Страхов был закоренелым холостяком[19].

Отметим, что статья, заинтересовавшая Достоевского, упоминается и в его творчестве. Так, в «Кроткой» закладчик, знакомый с книгой Милля «О подчинении женщины», тщетно пытается вспомнить, кому принадлежат евангельские слова «Люди, любите друг друга[20].

Стоит отметить и тот факт, что «Заря» умела по достоинству оценить произведение и не боялась критики со стороны других изданий. Так, именно журнал Кашпирёва одним из первых осознал значение эпопеи «Война и мир». В журнале «Заря» вышел цикл статей Страхова о «Войне и мире», где критик писал об этом произведении, как о поистине гениальном, хотя тогда многие не разделяли этого мнения.

В предисловии к отдельному изданию критических статей в 1885 г. Страхов пишет: «Задолго до нынешней славы Толстого, до восторгов, вызванных его произведениями за границей и повторенных у нас, в то время, когда даже еще не была кончена “Война и мир”, я почувствовал великое значение этого писателя и старался объяснить его читателям» [Страхов, 1901, с. 484]. К этому Страхов добавил: «Кто умеет ценить высокие и строгие радости духа, кто благоговеет перед гениальностью и любит освежать и укреплять свою душу созерцанием ее произведений, тот пусть порадуется, что живет в настоящее время» [там же]. Страхов утверждал непреходящую ценность романа и еще в 1869 г. предсказывал ему мировое значение. «Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература! Со временем значение “Войны и мира” перестанет быть вопросом, и это произведение займет в нашей литературе то незаменимое и единственное место» [там же, с. 483]. Достоевский высоко оценивал цикл статей Страхова, посвященных эпопее «Война и мир» Толстого. В них, по мнению писателя, русская, национальная мысль заявлена «почти обнаженно»: «Именно то, что Вы говорите, в том месте, где говорите о Бородинской битве, и выражает всю сущность мысли и

[18] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.; Л.: Наука, 1972–1990. Т. 23. С. 89.
[19] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 255.
[20] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. С. 35.

Толстого и Вашу о Толстом. Яснее бы невозможно, кажется, выразиться...»[21]

С этого цикла критических статей началась дружба между Страховым и Толстым. Известно, что Страхов хотел привлечь Л.Н. Толстого к сотрудничеству с журналом «Заря». И это ему удалось. Письмо Страхова к Толстому с предложением о сотрудничестве с «Зарей» утеряно, но сохранился ответ писателя. В письме от 25 ноября 1870 г. Толстой сообщает, что пока ему нечего предложить «Заре»: «Вы не поверите, как мне больно отказать в содействии уважаемому журналу и в особенности вам; — но я не могу поступить иначе. Судите сами: у меня не только нет названия тому, что я буду писать (названий вообще я никогда не умею придумывать и приискиваю большей частью, когда все написано), но и нет ничего, над чем бы я работал... Так вот почему я решительно не могу ничего обещать, как ни сильно я бы желал напечатать в “Заре”»[22]. Тем не менее Толстой дает Страхову обещание: «Одно, что могу сказать,— что если мне суждено написать еще что-нибудь, то, если это будет не длинно, я все отдам в “Зарю”, если длинно, то часть всего»[23]. Свое обещание Толстой сдержал, и в последнем номере журнала «Заря» выходит «Кавказский пленник». В письме к Страхову от 22 марта 1872 г. Толстой сообщает: «Для “Зари” я написал совсем новую статью в “Азбуку” — “Кавказский пленник” и пришлю не позже как через неделю... прошу вас держать корректуру»[24].

История взаимоотношений Достоевского с журналом «Заря»

По распоряжению Страхова журнал «Заря» высылался Достоевскому во Флоренцию, где в то время находился писатель, уехавший заграницу на лечение. Об этом Достоевский сообщает в письме к Страхову от 18 (30) марта 1869 г.: «Благодарю Вас... за распоряжение о присылке “Зари”...»[25]

Супруга писателя Анна Григорьевна Достоевская сообщает в своих воспоминаниях, что Страхов усиленно приглашал ее мужа быть сотрудником «Зари»: «Фёдор Михайлович на это с удовольствием соглашался, но лишь тогда, когда окончит роман “Идиот”, который так трудно ему давался и которым он был очень недоволен»[26].

---

[21] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 401–402.

[22] *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 18. С. 691.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 416.

[26] *Достоевская А.Г.* Воспоминания / Под ред. В.В. Григоренко, С.А. Макашина, С.И. Машинского, В.Н. Орлова. М.: Художественная литература, 1971. С. 183.

С начала выхода журнала «Заря» его сотрудники активно приглашали Достоевского к сотрудничеству: «Напишите Вы нам что-нибудь — покорно просим и Кашпирев, и Данилевский... и Градовский, и я. Нужно ли Вам говорить, что в “Заре” Вам так же развязаны руки, как во “Времени”?», — пишет Страхов[27]. Достоевский предлагает написать в журнал роман в двух частях. «Он будет, — писал Достоевский о будущем произведении,— величиною в “Бедных людей” или в 10 печатных листов; не думаю, чтобы меньше; может быть, несколько больше <...> Идея романа меня сильно увлекает <...> мне хочется произвести опять эффект; а обратить на себя внимание в “Заре” мне еще выгоднее, чем в “Русском вестнике”»[28].

В письме к своей племяннице С.А. Ивановой от 8 (20) марта 1869 г. Достоевский сообщает, что «получил от журнала официальное приглашение к сотрудничеству. “Заря” прислала ему (вновь через Страхова) второе письмо... Просят коллективно Страхов, редактор Кашпирев и даже те сотрудники, которых Достоевский не знает (Градовский, например), и Данилевский, (которого я уже 20 лет не видал), — не романист Данилевский, а другой, замечательнейший человек. Кроме того, видно, что в “Заре” совокупилось уже много новых сотрудников, очень замечательных по направлению (глубоко-русскому и национальному)», — отмечает писатель[29].

Достоевский пишет о сильном впечатлении, который на него произвел первый номер журнала. Конечно, больше других его поразили две главные статьи: Страхова и Данилевского. Тем не менее, Достоевский выражает сомнение, что все авторы смогут ужиться вместе в одном журнале, тем более что Страхов, «который, в сущности, настоящий редактор», по мнению писателя, мало способен к непрерывной, периодической работе[30]. Достоевский также сообщает в этом письме, что для написания повести в «Зарю» он хочет использовать то свободное время, которое у него остается до начала работы над романом, который он обещал «Русскому вестнику». Речь идет о «Бесах». Достоевский предполагает, что повесть в «Зарю» будет готова за четыре месяца. Повесть «возьмет у меня именно то только время, которое я и назначил себе для гулянья, для отдыха после 14 месяцев работы», — отмечает писатель[31].

Хотя Достоевский не обещал «Русскому вестнику» исключительного сотрудничества, он опасается обидеть его работой с другим журналом, поэтому просит племянницу, общающуюся с ре-

---

[27] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 416.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 410.
[30] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 410.
[31] Там же

дакцией, не упоминать о «Заре»: «...Вообще боюсь, что выйдут сплетни, которые мне повредят в “Русском вестнике”»[32].

Однако Достоевский выдвинул неприемлемые для «Зари» условия: писатель хотел получить аванс в размере 1000 руб. Соглашение не состоялось, и Достоевский не стал начинать работу над предполагаемым произведением[33].

В письме к Н.Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г. Достоевский предлагает написать для «Зари» небольшой рассказ: «...листа в 2 печатных, может быть, несколько более»[34]. Написать произведение его вдохновил отзыв Аполлона Григорьева на «Записки из подполья». «Ты в этом роде и пиши», — посоветовал тогда он Достоевскому[35]. В письме Майкову Достоевский сообщает, что новое произведение будет похоже на «Записки из подполья» своей сущностью, но не формой. За это произведение Достоевский просил у редакции 300 руб. Такая сумма устроила «Зарю», об этом писателю вновь сообщил Майков.[36] Достоевский решил начать писать повесть после переезда в Дрезден, где ему не будет мешать работать жаркий климат Италии. В своем письме к Майкову от 15 (27) мая Достоевский жалуется: «Жара во Флоренции наступает ужасная, город душный и раскаленный, нервы у нас всех расстроены, — что вредит особенно жене[37], теснимся мы в настоящую минуту в теснейшей маленькой комнатке, выходящей на рынок. Надоела мне эта Флоренция, а теперь, от тесноты и от жару, даже и за работу сесть нельзя»[38].

Название будущего произведения писателем не было определено, поэтому в объявлении о подписке на 1870 г. «Заря», перечисляя то что будет опубликовано, указывает повесть Достоевского, однако без названия: «Назовем главнейшие из произведений, уже приобретенных нами для журнала... повесть Достоевского, рассказы из русской истории Майкова...»[39]

Работа над произведением «Вечный муж» оказалась весьма выматывающей для писателя. Из-за переезда в Дрезден он приступил к работе в самом конце лета.[40] Достоевский писал Майкову с просьбой убедить Кашпирёва напечатать повесть в ноябрьском или де-

---

[32] Там же. С. 412.

[33] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 695.

[34] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 695.

[35] Там же.

[36] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 696.

[37] Жена писателя в это время была беременна.

[38] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 425.

[39] От редакции. Объявление о подписке // Гражданин. 1875. № 50.

[40] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 442.

кабрьском выпуске «Зари» 1869 г. Майков просьбу Достоевского выполняет, но эти номера «Зари» были уже готовы. К тому же «Вечный муж» был отправлен Достоевским в редакцию лишь 5 (17) декабря[41]. Уже после завершения работы над «Вечным мужем» Достоевский не мог без омерзения вспоминать о том, как тяжело ему давалась повесть. В письме к С.А. Ивановой писатель не скрывает эмоций: «...какая это была каторжная работа! тем более что я возненавидел эту мерзкую повесть с самого начала.»[42]

Вскоре писатель сообщает в своем письме родственникам (В.М. и С.А. Ивановым), что его «Вечного мужа» в редакции восприняли очень благосклонно: «Я получил чрезвычайные похвалы из “Зари” за повестушку, которую у них напечатал», — писал Достоевский[43].

Достоевский о редакционной политике и содержании «Зари»

Журнал «Заря» лишь частично отвечал большим ожиданиям Достоевского. Писатель очень высоко ценил, прежде всего, отдел критики журнала. Достоевский считал, что такой честной и ясной критики нет ни в одном современной российском издании. Также он отмечал, что именно с нее начинает читать каждый номер. Однако у писателя было много обоснованных претензий к журналу.

Для укрепления позиций «Зари» Достоевский предлагал устранить некоторые его недостатки: малый объем, невыразительное оформление, отсутствие материалов о текущей политике, фельетонов, ежемесячных политических обозрений, полемических статей. «Прежде всего, журнал мал объемом и скуп, что выражается даже его наружностию», — пишет Достоевский Страхову[44].

По мнению писателя, «Заря» мало считалась с интересами читателей, придерживалась принципа «искусство ради искусства», находилась далеко от острых, злободневных вопросов[45]. Достоевский в своих письмах критикует создателей журнала, за то, что их досадные мелкие ошибки бросаются в глаза, а это отнимает у них подписчиков. «2500 подписчиков тем славно, что обозначают установившийся журнал. Разумеется, 3500 подписчиков было бы не в пример лучше. И не понимаю решительно, почему их нет у журнала с таким необходимейшим направлением и при таких статьях, которые являлись в прошлом году?», — отмечает Достоевский[46].

---

[41] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 696.

[42] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 442.

[43] Там же. С. 695.

[44] Там же. С. 401.

[45] *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 696.

[46] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 446.

Писателя также не устраивает то, что в «Заре» торжественно публикуются сообщения о любом произведении, которое будет вскоре напечатано в журнале. В качестве примера он приводит роман «Цыгане» и произведения Кобяковой. По мнению писателя, журнал, с самого начала поставивший себя на самый высокий тон в своем направлении и в критике, не может так восторженно извещать о подобных публикациях. Так можно писать лишь о «Войне и мире», «Обломове» или «Мертвых душах». «А между тем роман "Цыгане" хоть и не без достоинств, но вовсе уж не "Мертвые души"», — пишет Достоевский[47].

Беспокоит Достоевского и отсутствие полемики в журнале, «Заря» ее избегает: «Полемика есть чрезвычайно удобный способ к разъяснению мысли, у нас публика слишком любит ее. Все статьи, например, Белинского имели форму полемическую. Притом же в полемике можно выказать тон журнала и заставить его уважать... всегдашнее спокойствие придает Вашим статьям вид отвлеченности»[48].

Но больше всего Достоевского справедливо возмущала необязательность «Зари», которая отпугивала от нее подписчиков. Так, по объявлению «Заря» должна была выйти 16 февраля, но вот уже 26 число, а нового номера журнала у писателя до сих пор нет. Достоевский опасается, что эта же участь коснулась всех русских людей заграницей. «Неужели в "Заре" до того еще легкомысленны, что не хотят понять факта, режущего глаза и состоящего в том, что выходить в 1-е число месяца аккуратно (и непременно в 1-е) — значит, иметь 1000 подписчиков лишних?», — пишет Достоевский[49]. Писатель отмечает, что с нетерпением ждет каждого номера журнала. «Здесь каждое получение "Зари" для меня праздник, именины», — признается он. «Одно бы пожелать надо "Заре": этой бюрократической аккуратности "Вестника Европы". (Заметили ли Вы, однако, что все лучшие журналы, бывшие в России, не отличались аккуратностью? Но лучше бы этому не подражать.)», — пишет Достоевский Страхову[50].

Также Достоевский считает опрометчивым повышение цены на подписку «Зари»: «Только что почтамт увеличил плату за пересылку, как тотчас же я и прочел в "Голосе" объявление "Зари" подписчикам об увеличении цены журналу... но будьте же и сами исправны. А то начали тем, что вышли 8-го числа, а на второй месяц и еще на неделю опоздали»[51].

Писателя расстраивало, что «Заря» публикует мало беллетристики. Достоевский писал Майкову: «Первый № "Зари" за этот

[47] Там же.
[48] Там же. С. 445.
[49] Там же. С. 446.
[50] Там же.
[51] Там же.

год представляет самое серенькое впечатление: полное отсутствие современного, насущного, горячего <...> Даже и переводной роман дрянь. Даже и критика, хотя и в прежних тонах и силе, но все-таки ведь повторение уже в третий раз или в четвертый прежней идеи»[52].

Еще один недостаток «Зари», по мнению Достоевского, — это нехватка самоуверенности, излишняя мягкость, отсутствие «искры» в статьях. «...Надо писать с плетью в руке. Во многих случаях Вы... слишком умны. Если б... поазартнее и погрубее нападали — было бы лучше», — советует писатель[53].

Заключение

Используя свой редакционный опыт и опыт журналиста, писатель дал много ценных советов журналу. Однако его предложения услышаны не были. Несмотря на блестящий подбор авторов «Зари» и достаточно сильный отдел критики, всплеск популярности журнала оказался недолгим. Все недочеты, казавшиеся редакции несущественными, оттолкнули от себя читателей. Количество подписчиков стало неуклонно уменьшаться. Как отмечал Достоевский, «Заря» сама уничтожила то, что у нее было оригинального и ценного. В конце 1871 — начале 1872 г. у журнала осталось лишь 700 подписчиков. Февральский выпуск издания оказался последним. Несмотря на яркий старт журнала, из-за редакционной политики «Заря» угасла, просуществовав лишь три года.

Список литературы

Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года. М.: Либерея, 2000.

Плеханов С.Н. Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом / Сост. А.В. Белова. Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Киев, 1901.

Страхов Н.Н. Предисловие «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского» // Данилевский Н.Л. «Россия и Европа». 6-е изд. СПб.: Глаголъ С-Петербургского университета, 1995.

Фридлендер Г.М. Комментарии: Ф.М. Достоевский «Вечный муж» // Достоевский Ф.П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 8.

Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.

Поступила в редакцию
01.12.2014

[52] Там же. С. 440.
[53] Там же.